

Гарри Джеймсу Поттеру повезло больше всех в мире волшебников: в одну минуту его благодарили друзья и те, кто был окаменевшим, а в другую он потерял сознание и очнулся в Больничном крыле, причем мадам Помфри была в шаге от того, чтобы сказать что-то вроде: "Ну что, опять ты Поттер? Может, вам стоит переехать к нам?"

Гарри удивило, что с момента спасения Джинни Роном до нынешней ситуации, когда он лежит на больничной койке, а мадам Помфри проводит сканирование, до того как разрешить ему временный перерыв, во время которого он будет делать записи уроков для Гермионы, а когда он не будет этого делать, его можно будет найти в одном месте.

У постели Гермионы Джейн Грейнджер, его рука держала её неподвижное тело, словно пытаясь подпитать его магией, а его настроение портилось до опасной черты, когда он был рядом с ней. Он не знал, когда именно понял свои чувства к кареглазой магглорожденной, но, когда бы это ни случилось, он был рад этому. Да, он действительно любил Гермиону и, будучи ее ближайшим другом, хотел быть уверенным, что будет здесь, когда профессора Спраут и Снейп закончат восстанавливающее зелье из мандрагоры, и тогда у Гарри будет шанс сказать ей об этом самому.

А пока она была тем, с кем он мог поговорить, и, после того как мадам Помфри отчитала его за то, что он прокрался к ней через всю палату, матрона сжалась над ним и поставила кровать мисс Грейнджер рядом с его кроватью, чтобы он мог поговорить в полной безопасности и уединении. Взглянув на её неподвижное тело, Гарри вздохнул и, протянув к ней руку, обхватил руку Гермионы и, не жалея о том, что собирается сказать, заговорил.

"Гермиона, я знаю, что ты всегда говоришь мне, что я безрассуден и не обращаю внимания на правила, но если бы ты только могла понять, как я отношусь к тебе и к правилам, ты бы увидела логику в моих действиях". Гарри вздохнул, понимая, что это повлечет за собой последствия, но он был рад, что говорит именно с Гермионой: она его поймет.

"Вопреки распространенному мнению, мне не дали жизни изнеженного принца или избалованного отродья; вместо этого меня с раннего возраста заперли в чулане, где мой рост и питание сильно замедлились из-за отсутствия нормального питания и физических упражнений. Если я говорил или делал что-то, что не нравилось Дурслям, они причиняли мне боль, точнее, Дадли и дядя Вернон причиняли мне боль, а тётя Петунья считала правильным ранить меня, целясь в моё сердце и последние хорошие воспоминания о родителях. Когда Хагрид пришел и сказал мне, что я волшебник, я был в экстазе, потому что теперь знал, почему я так отличаюсь от всех остальных; я видел причину, чтобы нанести ответный удар тем, кто считал себя главным, и, хотя я не могу оправдать себя за то, что подверг своих друзей такой опасности, есть одно событие, о котором я не могу сожалеть, что бы я ни пытался сделать. Встреча в Хогвартс-экспрессе с неким кареглазым книжным червем и, не прошло и месяца, спасение жизни этой девушки".

Проверив, видит ли его матрона, Гарри медленно сполз с кровати и придвинулся к Гермионе, прижавшись к ней всем телом: "Я собирался подождать, пока ты проснешься, чтобы сказать это, но чувствую, что если попытаюсь, то буду слишком напуган или отвлекусь на Рона и других гриффиндорцев. Гермиона, я хочу, чтобы ты знала, что единственное, о чем я сожалею, - это о том, что из-за моего безрассудства ты оказалась на линии огня: тролль, Пушистик,

дракон Хагрида, полиджоевое зелье и теперь твоя окаменелость. Гермиона, я знаю и пойму, если ты никогда не сможешь меня простить, но я должен это сказать: Я люблю тебя, всегда любил и буду любить, и если ты вернешься ко мне, то я обещаю тебе, что сокращу свое безрассудное поведение и стану лучшим парнем, о котором ты только можешь просить. Только пожалуйста, - он прижал ее к себе, и в глазах его появились слезы, - Пожалуйста, Миона, вернись ко мне".

"Поттер?"

Подняв голову, Гарри увидел мадам Помфри, стоящую у входа в их укромный уголок с бутылкой темно-коричневой жидкости в руке; с надеждой в глазах Гарри спросил: "Это... это...?"

"Противоядие", - ответила Поппи, улыбаясь, когда увидела двух гриффиндорцев, лежащих рядом друг с другом; часть ее души задавалась вопросом, все еще ли доступен опрос о том, кто захватит сердце Гарри; когда она услышала, как мальчик изливает свое сердце, она знала, что право разбудить спящую гриффиндорскую девушку будет принадлежать Гарри. "Если вы наложите на мисс Грейнджер глотательные чары, то сможете помочь ей принять его: после этого подождите несколько минут и... ну, сделайте единственное, что вы можете... помолитесь".

"Да, мэм", - ответил Гарри, забирая у мадам Помфри бутылочку; посмотрев на спящую студентку, Гарри осторожно влил противоядие ей в рот, используя заклинание, которое предложила мадам Помфри, после чего прижал к себе Гермиону, а Поппи исчезла, чтобы дать им возможность побыть наедине.

Гарри прижимался к Гермионе, казалось, часами, успокаивая себя тем, что его руки массируют её спину, а глаза закрыты, когда он шепчет: "Гермиона, не знаю, слышишь ли ты меня, но мне нужно, чтобы ты выслушала меня. Ты нужна мне, и я люблю тебя; если ты меня не слышала, я повторю еще раз; вернись ко мне, и ты увидишь совершенно нового Гарри Поттера, а сейчас, пожалуйста, проснись. Ты нужна мне, Гермиона Грейнджер, и я... - слезы продолжали течь по его щекам, пока он прижимал к себе магглорожденную, - я люблю тебя".

Одна из слез Гарри упала с его глаз; если бы кто-нибудь присмотрелся к ней повнимательнее, то увидел бы в центре слезы серебристую искру, которую Гарри держал на руках Гермиону, когда она брызнула на её щеку; новая сила наполнила молодого Поттера, когда он прижался к ней.

"Я тоже тебя люблю".

Глаза Гарри распахнулись; он слышал это, но какая-то часть его души не хотела в это верить; все еще держа тело юной Грейнджер, Гарри прошептал: "Гермиона?"

"Да?" - спросил слабый, но очень живой голос.

"Т-ты любишь?"

<http://tl.rulate.ru/book/106183/3815418>